

ГЕРОЕВ Юрия Богатырева нельзя любить или ненавидеть безоговорочно. Всегда в них есть что-то простое, непривычное, то неоднозначное, что мешает воспринимать их только «хорошими» или только «плохими». Уж как, казалось бы, симпатичен, по-человечески притягателен Мартин Иден с его тяжелыми кулаками и застенчивой, прямо-таки младенческой улыбкой, с его житейской и творческой неукротимостью, с его беззаветной верой в любовь, красоту и добро. И все же... Богатырев с самого начала играл надломленную, а под конец сломленную силу — силу таланта, характера, сломленную силу могучего, закаленного трудом тела. Но прежде всего силу интеллигентности. Его Мартин вовсе не выглядел таким неотшлифованным самородком в обществе леди и джентльменов. Он явно тоньше, чувствительнее, пронзительнее окружающих его людей и оттого одинок и обречен. Актер не старался добыть успех «открытым способом», не соблазнился возможностью подыгрывать заведомому сочувствию публики — ему важно было одно: не расплескать сложность образа, трагическую сложность неповторимой судьбы.

Уж как, казалось бы, не симпатичен, по-человечески отвратителен Ромашов — антипод Сани Григорьева, одного из любимых героев нашей юности. Недаром режиссер Ю. Егоров, примерно тогда же снимавший Богатырева в фильме «Там, за горизонтом», — опытный режиссер, искушенный в «киношных» тонкостях, — уговаривал его отказаться от Ромашова: «Тебя же после этого не будут снимать в положительных ролях!» Однако Богатырев рискнул и не просчитался, поскольку ни он, ни Е. Карелов не собирались еще раз доказывать явное негодяйство Ромашова. Он, конечно же, остается Ромашовым — завистником, джецом и трусом. Но и у него есть на данный момент своя не то чтобы правда, но боль, искренность, даже самоотверженность. Это чувство к Кате. Слепящее, большое, истинное, но настоящее чувство.

Помнится, в начале нашего знакомства с Богатыревым меня сразу удивило и расположило к нему одно характерное пристрастие. Как-то при нем оказалась огромная папка рисунков и акварелей, его собственных. Тут были пейзажи, жанровые наброски, фантазии на темы спектаклей и фильмов, портреты партнеров по сцене. Работы были своеобразные, увлекательные и в самом лучшем смысле слова грамотные. Такому нельзя научиться дома. После уже я узнал, что рисование было первым серьезным его увлечением. Он учился в художественно-промышленном училище на коврово-ткацком отделении — учился вначале с охотой, потом без, потому что больше хотелось попросту рисовать — не для ковров и тканей. А еще хотелось играть, лицедействовать, и он все более сосредоточенно стремился к этому.

В Театральном училище имени Щукина он учился на одном курсе с Натальей Гундаревой, Натальей Варлей, Константином Райкиным, Владимиром Тихоновым, Борисом Сморгочевым. Четыре года в училище были вовсе

не безмятежными (Юрий Богатырев слыл трудным студентом) — и вот уже молодой актер имеет редкую и лестную возможность выбирать сразу из нескольких приглашений. Выбрал «Современник».

Я видел далеко не все сыгранное актером на сцене «Современника», могу ошибиться в своих оценках, но думаю, что герцог Орсино в «Двенадцатой ночи» и Марк в классическом для этого театра спектакле «Вечно живые» — в числе наиболее показательных. Если попытаться

несколько других ролей. Как раз тогда он снялся в «Неоконченной пьесе для механического пианино» Никиты Михалкова и готовился к новой роли, более чем ответственной — в большой, двухсерийной картине ленинградского режиссера Ильи Авербаха.

Роль в «Неоконченной пьесе...» была не главной, но тоже достаточно ответственной. Сергей Павлович Войничский... Сложный комплекс эмоций рождает в нас этот застенчивый, недалекий, оби-

Вот эта способность актера — выворачивать душу образа до самознания, со всей прямотой и честностью, — мне кажется, результативнее всего выявилась в фильме Авербаха «Объяснение в любви». Он играет здесь жизнь человека на протяжении двадцати без малого лет — от революции до конца Великой Отечественной войны. Жизнь, тесно переплетенную с жизнью страны — ее радостями и бедами. Жизнь, освещенную любовью к одной-единственной и, увы, не всегда отвечающей равным чувством женщине. Юрий Богатырев в этой роли чаще всего некрасив, неуклюж и жалок, несмотря на несомненность ума, человечности, даровитости его героя; он и не может выглядеть иначе, потому что играет — именно «внутренность» чувства, его мучительность, его роковую неотвратимость. Это чувство во многом схоже с его гражданским чувством, которое не могут убить никакие превратности, никакие тяжкие откровения. Это очень не просто, оказывается, — сберечь, удержать в себе то, что называется «святым за душой». И стойкость нужна, и вера, и доброта, хоть через силу. И даже самоотречение. И даже самообман. И от этого непрестанного одоления самого себя он, жалкий и некрасивый, всю жизнь несущий в себе хрупкого интеллигентного мальчика начала века, так порой симпатичен. Так по-человечески близок. Такую жизнь трудно хвалить или бранить. Такая жизнь — урок, над которым думать и думать.

В новом фильме Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» Богатырев исполняет роль Штольца. Со школьной скамьи сидит в нас ходячее представление (и где-то небезосновательное), что Штолец — прямой, любовой антипод Обломова. Тот ленив — этот деятелен. Не буду оценивать, как борется со своим стереотипом Олег Табаков (Обломов), но Юрий Богатырев борется более чем убедительно. Да, его Штолец энергичен, деятелен... Но за его лоском и шиком постепенно угадывается тяжелое напряжение чувств и мыслей. Невидимые миру слезы. А порой и видимые. Как трагически вдруг раскрывается он в сцене прощания с отцом. И какое нелегкое раздумье набегает на его лицо, когда он слушает исповедь Обломова. И мощные жесты его, и громкий голос — все это чуть-чуть с форсом, с вызовом, как будто что-то глушит, давит в себе этот во всем преуспевающий господин. И финал... Он сидит, уже с бородой, усталый, поникший, совсем не шикарный, и глуховатым голосом говорит с Ольгой о чем-то повседневном, а мысли, пробужденные большим воспоминанием, точно теснят его, давят, загоняют в грусть, в разочарование, в тень одиночества. Это уже не гоцаровский, а скорее чеховский Штолец.

Нет ничего зазорного для актера — напрямую защищать или обвинять своего героя. Как всякий художник, он имеет право на ясное, предельно-конкретное и наглядное отношение к его характеру и поступкам. Но есть и другая стезя — стезя познания, постижения своего героя, стезя, которой всегда стремится держаться Юрий Богатырев.

● Артист Ю. Богатырев.
Фото В. Плотникова.

люди искусства

ПОСТИЖЕНИЕ СЛОЖНОСТИ

Марк КУШНИРОВ

ся одним словом определить трактовку актером своих героев, то, думаю, ближе всего к истине слово «объективность».

Вот герцог Орсино. Красивый, умный, властный человек. Правитель по всем статьям. Но как наивен он и трогателен в переплете любовных недоразумений. В такие моменты актер преобразует его в сущего ребенка — капризного, надутого, несносного для окружающих и для себя самого.

Марк в пьесе В. Розова — образ, казалось бы, уже хорошо отлаженный театром и кинематографом (своеобразный вариант каверинского Ромашова), но именно Розов, не кто иной, сказал актеру, что его Марк лучший из всех. Потому что не однозначный, потому что сложный — даже сложнее того, что выписан в пьесе. Такое признание драматурга дорогого стоит.

Четыре года назад Юрий Богатырев перешел в МХАТ, сыграл на новой сцене Фурманова в «Мятеже», Алексея Турбина в «Днях Турбиных»,

женный Богом и людьми человек. Беспольный до смешного, он воплощение той бессмыслицы и никчемности, что царят в этом доме, в этой усадьбе, в самом существовании этой разнородной компании. Актер едва ли не издевается над своим героем. Дурацкий смешок, глуповатый пафос, жалкая риторика. Сущий выродок, да и только.

Все так, только не лишней он, а очень даже уместный в этом человеческом паноптикуме, где всякий, по существу, являет собой выродок чистых и благородных начал. Вот образ, где жесткая мысль картины доведена до последней черты, до рези в глазах. До беспощадности. От него исходит порой наибольшее ощущение постыдности, глупости наблюдаемой нами жизни, ибо в нем, как на грех, особенно активны хорошие, чистые и благородные человеческие страсти — доброта, терпимость, искренность чувств. Но как плачевны и смехотворны его благие порывы, как нелепы и жалки его искренние слова, жесты!